

т. 132

БИБЛИОТЕКА
И. М. У.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЮЩЕ СЪЗДА

МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
БИБЛИОТЕКА

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, ev...-th and 28-th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitsky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 1 Vol. XVII. New York, 1913, 1 Января 1913 г. No. 1.

For... see page 12.

Архипастырская благодарность.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка ПЛАТОНЪ, Архіепископъ Алеутскій и С.-Американскій, выражаетъ свою сердечную признательность всѣмъ пастырямъ и пасомымъ Миссіи, принесшимъ Его Высокопреосвященству Рождественскія и Новогоднія поздравленія, и молитвенно благожелаетъ имъ и всей Американо-Православной Руси въ наступившемъ Новолѣтїи.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Какою радостью привѣтствовать васъ, дорогие читатели, въ эти первые новогодніе дни?

Лучшею радостью, какою благословилъ Господь вѣнецъ лѣта сего!

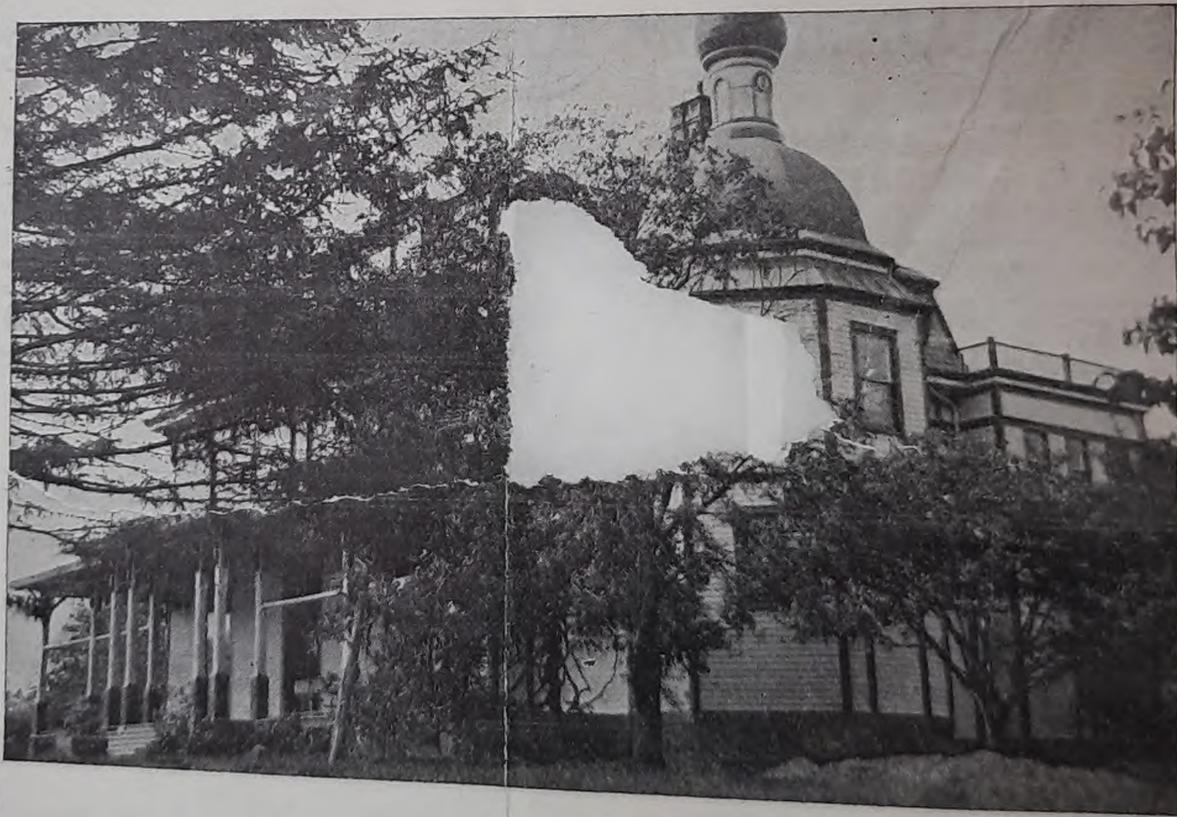
Радостью свѣтлой встрѣчи нашего Перво-святителя, только что возвратившагося изъ далекой, суровой Канады къ своей кафедральной паствѣ, такъ стосковавшейся по его Архипастырскому служенію и слову въ Святые дни Рождества Христова! — Радостью — зрѣть его нынѣ среди благолѣнія соборнаго, среди тысячъ народа притекшаго на Иордань, освящающимъ воду — во исцѣленіе душъ и тѣлесъ, и ко всякой пользѣ изрядную.

Радостью приближающагося свѣтлаго, историческаго въ лѣтописяхъ нашей Православной церкви дня — торжества освященія храма во имя преподобнаго Платона Студійскаго при нашей — отнынѣ Нью-Йоркской — православной Семинаріи!

Да будутъ дни сіи благословенны!

Да будутъ они благовѣщеніемъ новыхъ духовныхъ радостей ожидающихъ Миссію нашу въ наступившемъ новомъ лѣтѣ!

Да явятся они зарею — обѣтованіемъ не-избавимаго возрастающаго возрастанія нашей Святой Американской Руси!

По благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и С.-Американскаго, въ Четвергъ, 17 Января стараго стиля сего года (30 Января по американскому календарю), имѣетъ состояться торжественное, полнымъ чиномъ, освященіе во имя Преподобнаго Платона Студита домовой церкви при С.-Американской Духовной Семинаріи въ Тенафлай, Нью Джерзи.

Освященіе изволитъ совершить Владыка-Архіепископъ въ сослуженіи викарныхъ Преосвященныхъ Александра и Рафаила и сонма духовенства.

Всенощная накануне дня освященія начнется въ 6 часовъ вечера.

Начало чина освященія храма въ 9 часовъ утра.

Зимнее путешествіе Владыки Архіепископа въ Канаду.

Предисловіе.

Я долженъ начать съ извиненія передъ читателями нашего «Вѣстника», какъ потому, что впервые обращаюсь къ нимъ съ своимъ перомъ, такъ и потому, что описаніе этого, поистинѣ замѣчательнаго, путешествія Владыки въ Канаду является для меня предметомъ чрезвычайно труднымъ.

Во первыхъ: мнѣ не сразу представилась о всей ясности цѣль этого путешествія, такъ казать, идейная сторона его; — кстати скажу теперь же, что постигъ я ее вполне только въ Виннипегѣ.

Во вторыхъ: меня положительно подавила масса, полученныхъ мною впечатлѣній, разобравшись въ которыхъ я не въ силахъ еще и теперь. Таково, напр., положеніе нашего Владыки въ пути, не имѣющее положительно ничего себѣ подобнаго въ жизни нашихъ русскихъ Архипастырей. Эти простыя, полныя искренней любви, исключительной взаимной симпатіи другъ къ другу отношенія Архипастыря и паствы, — эти встрѣчи, эти проводы Владыки, эти собранія миссіонерскія и эти службы съ старо-краевымъ пѣніемъ — все это для меня было абсолютно новымъ, удивительнымъ, полнымъ глубокаго интереса, захватывающаго интереса...

Но начну порядку.

Сборы въ дорогу.—Проводы.

Услыхавъ о предстоящей поѣздкѣ Владыки Архіепископа, я подумалъ: «не мнѣ ли придется съ нимъ ѣхать, ибо о. Всеволодъ нашъ не страждетъ». Но къ тягчайшему увеличенію моего волненія и усиленію ожиданія, Владыка молчалъ и только наканунѣ выѣзда позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «ну, отче діаконе, есть у васъ теплыя вещи?» — «Есть, Владыко», твердо я заявилъ, хотя безвѣстное

пальто изъ моихъ вещей, единственно могущее имѣть претензію относиться къ категоріи теплыхъ вещей, врядъ-ли можно было считать теплымъ, въ особенности если имѣть въ виду канадскій климатъ. Но я горѣлъ огнемъ такого желанія ѣхать въ Канаду съ Владыкой, что и безъ этого «overcoat-a» двинулся бы въ путь.

«— Ну, такъ завтра ѣдемъ въ Канаду; только смотрите, не плакать у меня; празднички то наши улыбнутся... Впрочемъ, Богу молиться мы тамъ будемъ больше, чѣмъ здѣсь и жалѣть намъ не о чемъ будетъ», — закончилъ Владыка.

«Благословите!» — я сказалъ и быстро спустился внизъ. Сразу же окружили меня члены «нижней палаты», — какъ у насъ это всегда бываетъ, съ вопросами: «зачѣмъ звалъ Владыка? Не въ Канаду ли ѣдешь?» — «Ѣду, господа», — заявилъ я и отправился къ о. ключарю помогать ему укладывать церковныя вещи, разспросить его о томъ, относящемся къ церковно-служебной работѣ въ пути, многомъ, изъ чего я, по новости своего положенія въ Миссіи, собственно ничего не зналъ. О. ключарь, со свойственною ему предусмотрительностію и предупредительностію, объяснилъ мнѣ назначеніе каждой вещи, при мнѣ уложилъ ихъ въ большой сундукъ и при этомъ далъ мнѣ списокъ всего взятаго, заявивъ: «каждый разъ, когда будете укладывать послѣ Богослуженія вещи въ сундукъ, дѣлайте это свѣряясь съ этимъ спискомъ», что я и дѣлалъ и за что приношу ему глубокую благодарность, такъ какъ всѣ вещи цѣлы, не смотря на бывавшую иногда спѣшку при укладываніи ихъ.

Сильно я стѣснялся идти домой въ свою комнату, въ которой живу съ о. Всеволодомъ. Мнѣ было такъ жаль о. Всеволода, что онъ

своею болѣзнію были лишены счастья и высокаго удовольствія пропутешествовать нѣсколько недѣль съ Владыкой. Вѣдь это не тайна, что каждый изъ насъ стремится или старается найти предлогъ какой нибудь, чтобы увидѣть Владыку и получить отъ него ласковое слово. Съ нами, меньшей братіей, онъ всегда неизмѣнно ласковъ. О. Всеволодъ принималъ извѣстіе стоически, хотя онъ, какъ извѣстно, безмѣрно любитъ и преданъ Владыкѣ. — «Ну, что-жъ, значить, воля Божія на то», сказалъ онъ и заплакалъ.

Эхъ, бѣда съ его болѣзнію: и здоровъ человекъ, а вотъ ходить не можетъ; но теперь, слава Богу, ему значительно лучше и выздоровленіе его представляется несомнѣннымъ. Дай Богъ!

Утромъ 20 декабря я отправился въ соборъ, чтобы участвовать тамъ въ напутственнымъ молебнѣ, но мнѣ сказали, что Владыка самъ ходилъ и самъ молился тамъ.

Въ 9½ ч. поданъ былъ автомобиль и Владыка, съ любимымъ имъ Преосвященнымъ Александромъ, кафедральнымъ протоіереемъ и мною, отправился на Grand Central station. Тамъ уже было нью-іоркское духовенство, котораго въ настоящее время весьма порядочно здѣсь (а пять лѣтъ тому назадъ, было, говорятъ, только два іерея!), и многіе изъ окрестъ.

Я замѣтилъ, что внѣшній видъ Владыки съ его бородою и длинными волосами совсѣмъ не вызываетъ той сенсациі у американцевъ, о которой мнѣ такъ много говорили еще въ Россіи, — именно, будто бы здѣсь нельзя вовсе ходить съ длинными волосами, бородой и въ нашей одеждѣ. Наоборотъ, къ Владыкѣ нашему въ его Архипастырскомъ одѣяніи относятся съ какимъ-то особымъ уважительнымъ вниманіемъ. Тутъ же мнѣ сообщили, напр., что негръ, который несъ вещи Владычныя, спросилъ о кафедральнаго: «кто это такой благородный человекъ?» Очевидно, что и здѣсь, кто уважаетъ себя и все родное, пользуется уваженіемъ со стороны другихъ. Слы

въ вагонъ. Но train долго не двигался, такъ что провожавшіе сильно, видимо, продрогли и Владыка сказалъ, смотря на нихъ въ окно: «бѣдные, напрасно мерзнуть», и сталъ жестами просить ихъ отправляться во свояси; но они, оказалось, отодвинулись дальше къ концу поѣзда, чтобы Владыка не видѣлъ, а когда поѣздъ двинулся, всѣ вновь показали къ окну и раскланялись. Поѣздъ пошелъ. Владыка три раза осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, что и я сдѣлалъ, думая — Боже помогай! Поѣздъ остановился разъ; проѣхалъ еще немного и опять сталъ. «Ну, дурной признакъ», сказалъ Владыка, «врядъ-ли попадемъ въ Монреаль мы сегодня». Слова эти оказались пророческими.

Въ вагонѣ.—Экзамень—конфузь.—Неожиданная пересадка.—Ночлегъ.

Поѣздъ несся съ удивительной быстротой. У насъ, въ Россіи, многіе представленія не имѣютъ о такой ѣздѣ. Я вынулъ свою тетрадку, въ которой записано уже болѣе сотни англійскихъ словъ. — «Что, говоритъ Владыка, «языкъ изучаете? Хорошее дѣло. Только вотъ одинъ изъ вашихъ предшественниковъ всегда бралъ съ собою въ дорогу Нурока и какъ только усядется такъ какъ вотъ вы усѣлись, сейчасъ-же достанетъ эту грамматику и начинаетъ усердствовать надъ алфавитомъ, а дальше сего онъ, кажется, и не пошелъ... Посидитъ минутъ пять съ книгой въ рукахъ и уйдетъ, положивъ книгу на свое мѣсто; и уже за всю дорогу ея не касается. Я, когда бралъ его съ собою, такъ къ сему привыкъ, что считалъ эту процедуру даже необходимой. У васъ, видно, другая метода. Сколько вы словъ уже выучили?» — «Да съ сотню уже знаю», — отвѣтилъ я. Владыка взялъ мою тетрадку и сталъ меня спрашивать. Я совершенно опозорился. И, что всего досаднѣе, Владыка ни слова мнѣ ни сказалъ, а только протянувъ «да», и искоса посмотрѣлъ на меня. Въ моей памяти сразу воскресло впечатлѣніе отъ одного изъ самыхъ

неудачныхъ экзаменовъ въ семинаріи (по догматикѣ), но, кажется, и тогда я меньше былъ удрученъ, чѣмъ теперь. А затѣмъ со мною на весь день была прекращена бесѣда, и хотя я и обратился къ доброму Владыкѣ съ заявленіемъ о томъ, что теперь я уже въ совершенствѣ знаю всѣ слова, но онъ не обратилъ на меня вниманія. Полагаю, что онъ не разслышалъ моихъ словъ.

Днемъ я раскрылъ провіантъ, которымъ меня снабдили нью-іоркскія матушки, наготовившія всѣ почему-то пироговъ съ капустой. Владыка съѣлъ два пирога и сказалъ: «довлѣтъ». Такъ за весь день этимъ и закончилась дневная ѣда. У насъ ужъ если постъ, такъ постъ. Къ вечеру Владыка замѣтно сталъ волноваться и часто посматривать на часы и въ росписаніе движенія поѣздовъ. «А вѣдь мы, о. діаконъ, и дѣйствительно не попадемъ въ Монреаль во время! Бѣда, если мы пріѣдемъ, а нашъ канадскій поѣздъ къ тому времени уйдетъ. Не попасть намъ тогда во время въ Фортъ Вилліамъ». — «Попадемъ», — сказалъ я. — «Попадемъ», — протянулъ Владыка, видимо не особенно довольный моею увѣренностью. Владыка подозвалъ поѣзднаго проводника — негра. Произошелъ оживленный разговоръ. Негръ позвалъ кондуктора; опять побесѣдовали. Владыка возвратился ко мнѣ и говорить: «придется, о. діаконъ, вылѣзть здѣсь, такъ какъ кондукторъ увѣренъ въ томъ, что поѣздъ нашъ уже вышелъ изъ Монреаля». Мы быстро одѣлись. Черный захватилъ вещи. Я отдалъ кондуктору чекъ на багажъ, и мы раскланялись съ быстро удалившимся нашимъ поѣздомъ, оставшись на какой-то глухой и маленькой станціи, одиноко стоящей среди поля. Владыка нервно пошелъ на станцію, о чемъ-то поговорилъ съ однимъ субъектомъ, потомъ вышелъ на платформу, прошелся разъ, другой. Я смотрѣлъ и думалъ: «что-то будетъ». Въ это время къ станціи на саняхъ подѣхалъ хорошо одѣтый господинъ.

Владыка подошелъ къ нему, минуты двѣ поговорилъ съ нимъ и я увидѣлъ, что они жмутъ другъ другу руки. «Ну, отецъ», — услышалъ я громкій окликъ Владыки, — «Богъ дастъ, попадемъ въ свой поѣздъ. Пойдите, посмотрите не нашъ-ли сундукъ лежитъ вонъ тамъ въ темнотѣ». Сундукъ оказался нашъ. Минуть черезъ пять мы увидѣли огни быстро приближающагося поѣзда. Владыка говоритъ: «поѣздъ то — поѣздъ нашъ, но съ «слиперами» какъ мы будемъ? Богъ, впрочемъ, помогутъ намъ, поможетъ и тамъ!» Входимъ въ вагонъ. Пассажиры укладываются. Мѣста ни одного. «Пойдемъ, діаконъ, въ другой вагонъ!» Приходимъ — тоже. «Ну, что-жъ, какъ нибудъ просидимъ эту ночь, за то завтра хорошенько выспимся». Но всетаки подошелъ Владыка къ кондуктору и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Кондукторъ предлагалъ особую комнату, но за добавочныхъ пять долларовъ. — «Жаль пяти долларовъ; лучше ужъ посидимъ». И усѣлись съ Владыкой въ курильной комнаткѣ. Подошелъ кондукторъ и заявилъ, что нашлось цѣлое отдѣленіе, съ свободной койкой вверху и внизу. Владыка называетъ это «section». И мы улеглись. Долго вздыхалъ Владыка и благодарилъ вслухъ негра, нью-іоркскаго поѣзда: «ай-да и спасибо тебѣ, черный; жаль, что ты не православный, а то я бы тебѣ и крестикъ далъ; милый человекъ!».

Breakfast.—Интересный собесѣдникъ.—Бритвенная культура.—Встрѣча.—Милые краяне.

Я такъ и не слышалъ, уснулъ ли Владыка или нѣтъ. Вообще, нужно сказать, что въ вагонахъ онъ плохо спитъ. Проснешься рано, а онъ уже давно сидитъ у окна и читаетъ свѣжую газету. «Стыдно-стыдно, діаконъ, даже и англичане всѣ уже перебрались и чревоугодничать пошли, а вы все спите. Ну идите умывайтесь, молитесь Богу, да доставайте пироговъ, а водицы можно тамъ взять, въ умывальнѣ; это будетъ нашъ «breakfast». Тамъ,

вѣдь, въ «dining car» по нашимъ зубамъ ничего нѣтъ. Мы же, брате, постящеся довольно будемъ токмо широгомъ съ капустой. Слава тебѣ, русскій вкусъ и русскій широгъ!» Я умылся, прочиталъ «Отче нашъ», взялъ благословеніе у Владыки и подалъ пироги. И мы съ рѣдкимъ аппетитомъ съѣли натошакъ прямо по два широга и запили водой, которую принесъ намъ негръ изъ умывальни. Владыка сидя вздремнулъ. Часамъ къ тремъ дня подходитъ къ Владыкѣ англичанинъ. Владыка съ нимъ бесѣдуетъ и мнѣ интересныя вещи переводитъ. Оказывается, это одна изъ Виннигскихъ газетъ выслала своего корреспондента навстрѣчу Владыкѣ, для бесѣды съ нимъ. Больше часу шла эта бесѣда и минутами собесѣдники искренно смѣялись и англичанинъ даже раза два отъ полноты чувствъ хлопнулъ Владыку по колѣнямъ.

— «Удивительно симпатичный ирландецъ», сказалъ Владыка, когда закончилась бесѣда. «Представьте себѣ, прекрасно осведомленъ онъ въ церковной исторіи и хорошо знаетъ исторію нашей Церкви: весьма симпатизируетъ Нашему Государю и убѣжденъ въ томъ, что побываетъ въ Россіи въ ту пору, когда она будетъ сильнѣйшимъ и самымъ богатымъ государствомъ въ мірѣ. «Теперь это стоитъ такіе пустяки», — говорилъ онъ, — «заплатилъ Куку пять сотъ долларовъ и путешествуей вокругъ свѣта съ полнымъ комфортомъ». Одно печалитъ его, будто Царь остается главою Церкви у насъ. «Николай II такъ мало похожъ на Генриха VIII», — сказалъ я... «Я постарался», сказалъ Владыка, «разъяснить ему ложность этого взгляда на положеніе нашего Государя въ Русской Церкви». — «А что это, Вы, Владыка, смѣялись съ нимъ?» — спросилъ я. — «Да это онъ меня спрашивалъ: зачѣмъ я ношу длинные волосы и бороду — этотъ будто бы несомнѣнный признакъ первобытности челоука и некультурности его; бритыхъ не было, когда бритвы не было». Я ему отвѣтилъ: «у васъ, очевидно, слишкомъ много бритвъ и если вы только изъ за этого

бреетесь, то я не могу не сказать вамъ, что для меня трудно усмотрѣть въ этомъ признакъ вашей культуры. Чуть не всѣ вы курите дурныя ваши сигары, а я вотъ и мой діаконъ не куримъ. Кто изъ насъ поступаетъ культурнѣе?» Тутъ онъ меня и хлопнулъ по ногѣ. Вообще, я сказалъ ему, что такое явленіе, какъ культура, не опредѣляется въ существѣ своемъ такими частностями, какъ бритые волосы. «Мало-ли у васъ бритыхъ дикарей?» — «Это хорошо сказано», — сказалъ онъ и опять отвѣсилъ мнѣ ударъ по ногѣ. «Нужно быть», — сказалъ я ему, — «всегда собою гдѣ бы и когда бы ты ни жилъ. Я русскій и всегда останусь русскимъ; и вы плохо бы высматривали, если бы старались не быть англичаниномъ или быть не англичаниномъ». Тутъ онъ мнѣ опять отвѣсилъ ударъ по ногѣ и сталъ, какъ вы видѣли, отрывать мнѣ руку». Подрясникъ Владыки очень понравился англичанину. Владыка ему сказалъ: «Вамъ онъ былъ бы не къ лицу». Англичанинъ расхохотался и оставилъ насъ. Ночь прошла плохо: было жарко въ вагонѣ. Около 9 час. утра мы прибыли, наконецъ, въ Фортъ Вилліамъ.

Вышли на вокзалъ. Ни одной души встрѣчающихъ. «Вотъ тебѣ и разъ», говоритъ Владыка, «а я и адреса не имѣю. О. діаконъ, нѣтъ ли у васъ адреса?» — обратился онъ ко мнѣ. Я только руками развелъ въ знакъ своей полной безпомощности. — «Ну, давай усядемся и будемъ здѣсь ожидать на станціи, благо у насъ времени еще до всенощнаго бдѣнія порядочно», и Владыка олустился на диванъ, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться встрѣчи.

А вотъ и встрѣчающіе. Въ залъ вокзала вваливаются со двора три лица, изъ которыхъ одинъ, очевидно, священникъ, такъ какъ внизу, изъ подъ короткой шубы, по крайней мѣрѣ на полъ аршина высматривалъ у него подрясникъ. Другіе два несомнѣнно наши «краяне», такъ какъ они явно мало обращаются съ мыломъ...

— «А, вотъ наша встрѣча!» — воскликнулъ Владыка, — чѣмъ обратилъ на себя и

встрѣчающихъ его общее вниманіе многихъ бывшихъ въ залѣ англичанъ. «Ну, здравствуйте. Боже благослови... Что-жъ вы такъ встрѣчаете своего Архіерея?» — «Та ничего, заразъ кэрычъ будэ», — отвѣтили они. «Какъ и «кэрыча» нѣтъ?» — Пришлось довольно долго ждать «кэрыча». Тутъ явился на вокзалъ пріѣхавшій изъ Виннипега настоятель тамошней церкви (громаднѣйшій ростомъ) священникъ М. Поплавскій. «Сейчасъ будетъ карета», сказалъ о. Поплавскій, и въ это время подъѣхалъ къ вокзалу старый автомобиль, приближеніе котораго было слышно за милю.

Было очень холодно. Владыка поспѣшилъ занять мѣсто въ автомобилѣ, пригласилъ насъ скорѣе занять мѣста и мы направились въ гостиницу, которая оказалась тутъ же недалеко, блоковъ за десять. Въ гостиницѣ номера не было заказано, хотя встрѣчающіе заявляли, что «все уже здѣлано и однако ѣзжайте себѣ до готэля». У священника, которымъ оказался іеромонахъ Іоасафъ (бывшій послушникъ Бѣлорусскаго монастыря Курской губерніи) квартира нѣчто невозможное, — я былъ тамъ и ужаснулся: настоящій курень. Это первое, увидѣнное мною «помѣшканье» нашего Канадійскаго собрата-миссіонера. Потомъ я увидѣлъ другіе «гавзы», въ которыхъ живутъ канадійскіе священники, и отъ перваго впечатлѣнія мало во мнѣ что осталось: такъ какъ я видѣлъ почти вездѣ однородное. Видѣлъ я въ Россіи бѣдныя хаты нашихъ дьячковъ, да и вообще бѣдность не чужда мнѣ, но я все-таки не думалъ, чтобы священникъ могъ имѣть такое помѣщеніе. Слава Богу, что о. Іоасафъ не изъ плачущихъ, и Владыкѣ пришлось его не утѣшать, а только ободрять и хвалить. Да и было за что.

Фортъ Вилліамъ.—Саратовцы.—Богослуженіе.

Фортъ Вилліамъ небольшой городокъ; въ немъ жителей отъ пятнадцати до двадцати тысячъ—не больше, но будущность его несомнѣнна и при томъ большая. Имѣетъ большую торговлю съ Штатами; есть здѣсь много

фабрикъ и заводовъ. нашихъ русскихъ изъ Россіи, которые, кстатіи сказать, валомъ валятъ теперь въ Канаду, въ Фортъ Вилліамъ пока еще не такъ много, но галичанъ, буковинцевъ и другихъ православныхъ числится тамъ отъ четырехъ сотъ до пяти сотъ. Заработокъ очень хорошій и поэтому въ средѣ русскихъ замѣтна нѣкоторая жизнерадостность и довольство собою, а также готовность похвалиться въ особенности своимъ новымъ храмомъ. И дѣйствительно, есть чѣмъ похвалиться. Храмъ этотъ — игрушка; деревянный. Стоитъ онъ до двѣнадцати тысячъ долларовъ, изъ которыхъ долгу осталось только четыре тысячи.

— Мы выстроили нову церкву, заплатили пинязи и записали еи на Владыку, най знаютъ о томъ по всей Канадѣ наши вороги, — говорилъ мнѣ гордо одинъ изъ Фортъ-Вилліамцевъ.

Церковь была снаружи и внутри убрана зеленью. Богослуженіе все совершалось утромъ съ 8 час. Пѣли наши саратовцы; пѣли отъ души и заслужили похвалу отъ Владыки. «Вотъ тольчо Херувимская пропѣта вами на манеръ «По за рѣчкой, рѣчкой темненькой», ну, да ничего, Богъ съ вами; старайтесь, пойте, Богъ васъ не забудетъ», сказалъ Владыка.—«А что, Ваше Высокопреосвященство, я Васъ спрошу»,—вдругъ обратился къ Владыкѣ одинъ изъ саратовцевъ, «не знаете Вы, гдѣ теперь о. Иліодоръ?» — «Не знаю, голубчикъ, сказалъ Владыка. «Читалъ только я въ газетѣ, что онъ теперь уже не «отецъ»; если вы его приверженецъ, то молитесь Богу, чтобы Онъ Милостивый помогъ ему въ эту трудную тяжелую пору его жизни, чтобы помогъ ему остаться добрымъ сыномъ нашей св. Церкви. Я его разъ въ жизни видѣлъ, какъ то проѣздомъ на Петербургъ, въ вагонѣ и бесѣдовалъ съ нимъ и онъ тогда мнѣ очень понравился, а какъ получилось его ужасное теперешнее положеніе, я не знаю; я живу въ Америкѣ уже шестой годъ и многого изъ того, что дѣлается у насъ тамъ на родинѣ не знаю. Но,

конечно, такихъ исторій, какъ эта, лучше не знать и лучше о нихъ и не слышать».

Послѣ литургіи при 30° морозѣ было совершенно троекратное обхожденіе вокругъ церкви. Совершалось оно поэтому быстро. За литургіей было народа не меньше пятисотъ душъ; было нѣсколько и англичанъ, между прочимъ и президентъ города, который проводилъ Владыку до дома церковнаго старосты. Тамъ было устроено праздничное угощеніе. Но намъ пришлось только смотрѣть. Владыка взялъ кусочекъ красной рыбы, а намъ представилъ штатъся чѣмъ угодно. Мы тоже налегали на ту-же рыбу. Всему остальному отдалъ честь самъ президентъ, все пробуя и все похваливая. Миѣ предложенъ былъ стаканъ пива, вѣроятно, какъ діакону; но такъ какъ Владыка ничего не пьетъ, то и я съ этимъ стаканомъ возжался около получаса.

Вернулись въ гостиницу. Владыка благословила укладываться.

Англійская аккуратность.—Сочельникъ въ вагонѣ.—Экскурсія на родину.

По росписанію поѣздъ долженъ былъ идти на Виннипегъ въ 12 ч. 15 м. ночи. Мы явились на вокзалъ къ десяти часамъ. Тамъ не было ни одной души и Владыка около часу гуляла по платформѣ. Заняли мѣста въ вагонѣ, улеглись. — «Что это діаконовъ, жарко какъ въ банѣ», — слышу голосъ Владыки, — я уже весь мокрый; такъ вѣдь легко и умереть; то забьешь на морозѣ, то тебя въ парильню садятъ. О. Митрофанъ! найди-ка чернаго и поворожи съ нимъ на счетъ вагонной температуры». О. Митрофанъ самъ наворожилъ: взялъ, двери порастворялъ и тѣмъ понизилъ температуру. Стало возможно дышать и о. Митрофанъ получилъ отъ Владыки «молодецъ». По нашимъ расчетамъ поѣздъ долженъ былъ давно уже прийти въ Фортъ Вилліамъ, чтобы взять нашъ вагонъ; а оказалось, что поѣздъ опоздалъ ровно на 9 ч.! «Вотъ тебѣ и Англія», раздается съ постели Владыки; «если бы это случилось въ Россіи, то пассажиры

пообругали бы всѣхъ, начиная съ машиниста и кончая начальниками попутныхъ станцій и, пожалуй, кого-либо избилъ, а жалобныя книги на станціяхъ всѣ были бы исписаны. А тамъ, вотъ тѣ два англичанина, слышите, что говорятъ: «зима все извиняетъ». Къ отходу поѣзда я и о. Поплавскій встали, умылись, пошли поздороваться съ Владыкой и поздравить его съ преддверіемъ праздника Рождества Христова. «Ну, спаси Христосъ, спаси Христосъ», говоритъ намъ Владыка, «а вотъ сегодня нельзя ѣсть до первой вечерней звѣзды». Тутъ Владыка вспомнилъ свое дѣтство, отрочество и милую родину съ ея установившимися обрядами касательно встрѣчи и времяпровожденія въ теченіе праздника Рождества Христова. Невольно подъ этими свѣжими впечатлѣніями мысленно и самъ переносишься въ далекій родной край. Рисуешь такую картину: деревенская крестьянская изба; хозяйка собираетъ печь пироги и обязательно, какъ водится, съ капустой и въ полъ аршина величины... На лавкѣ на «покутѣ» (св. уголь) разостлано зеленое сѣно, въ которомъ стоятъ два горшка—одинъ съ кутьей, а другой съ «узваромъ» (родъ компота). Какъ дорого и пріятно вдали, на чужбинѣ, вспомнить обо всемъ этомъ милымъ всякому русскому человеку!

Встрѣча Архипастыря.—Кутья въ Канадѣ.—Звѣри на улицахъ.—Нѣкто звѣровидный.

Пріѣхали мы въ Виннипегъ къ десяти часамъ вечера подъ Рождество Христово. Большая толпа, оставшаяся отъ того громаднаго количества православныхъ русскихъ Виннипетцевъ, которые являлись въ два часа встрѣтить Архіепископа своего, встрѣтила Владыку въ большомъ залѣ громаднаго вокзала и проводила Владыку до кареты съ пѣніемъ: «Гонъ деспотинъ» и «Ис полла эти Деспота!» Владыка благословлялъ народъ. Масса англичанъ смотрѣли на эту встрѣчу. Былъ морозъ при-мѣрно градусовъ въ тридцать пять—сорокъ. Супруга о. Поплавскаго встрѣтила Владыку

съ хлѣбомъ-солью; предложила ужинъ. Владыка пригласилъ меня и хозяина къ столу. Помолились Богу и начали трапезовать въ этотъ Святой вечеръ. Сильное утомленіе помѣшало намъ отдать надлежащую дань кулинарному искусству доброй хозяйкѣ. За ужиномъ были сдѣланы распоряженія къ службѣ. Владыка сталъ послѣ ужина правило читать. Мы совершили свое и улеглись.

Виннипегскій домъ, въ которомъ живетъ о. Поплавскій, имѣетъ цѣлую исторію, которую мнѣ сообщили и о которой не лѣтъ и глаголати. О. Поплавскій не живетъ въ немъ, а мучится, хотя въ приходѣ онъ пользуется глубокимъ уваженіемъ среди своихъ прихожанъ. Высокій ростъ, могучая фигура его, на всѣхъ несогласныхъ дѣйствуетъ устрашающе; но онъ и кромѣ этой внѣшности обладаетъ даромъ — резонными доводами своего ума сокращать противниковъ. Да проститъ мнѣ его скромность сіи строки! То что написано — есть правда, и написано оно въ благодарность за то искреннее радушіе и хлѣбосоольство, съ которымъ онъ меня прінялъ и одѣлъ меня, превративъ своею шубою въ того, котораго Владыка назвалъ: «нѣкто звѣровидный». И дѣйствительно на улицахъ Виннипега въ настоящую пору можно видѣть всевозможныхъ звѣрей: и медвѣдей, и волковъ, и барановъ, и оленей, — все это люди въ вывороченныхъ мѣхомъ вверхъ шубахъ. Меня о. Поплавскій превратилъ въ волка, спасибо ему, иначе мнѣ не выглядывать бы изъ комнаты.

Рано утромъ (25 дек.) передъ субботой я вздумалъ было пройти въ своемъ пальто къ церкви, но долженъ былъ сію-же минуту возвратиться вспять. Холодъ былъ ужасающій. «Боже, думаю, какъ Владыка будетъ служить въ деревянной, отапливаемой одной печкой, церкви». Слышу голосъ Владыки: «діаконъ, ну, что тамъ, какъ, дышать можно?» — «Дышать то можно, да выдержать трудно», отвѣчаю я. — «Ну, попробуемъ, авось выдержимъ; выдерживаютъ же люди, а мы изъ другого тѣста, что-ли?» Я вошелъ къ Владыкѣ,

взявъ благословеніе и поздравилъ его съ праздникомъ. «Вотъ бѣда, діаконъ, забылъ я вчера сказать относительно телеграммъ; надо бы поздравить съ праздникомъ Владыку Александра и остальныхъ нью-іоркцевъ, ну, да ужъ послѣ пусть, успѣемъ еще!»

У потомковъ французовъ 1812 г.—Проповѣди Владыки.—Любовь—основа православнаго миссіонерства.—Службы въ Гонорѣ.

Служба началась въ девять часовъ, а окончилась въ два часа дня. Прошла прекрасно. Служилъ съ Владыкой одинъ о. Митрофанъ. Пѣли на клиросѣ, какъ это ни странно опять, тоже, но уже другіе, саратовцы. Пѣли хорошо, стройно и осмысленно. Владыка очень хвалилъ регента и баритона. Молящихся была масса. Случилась непріятность. «Ну, будемъ служить молебень», говоритъ Владыка, «о побѣдѣ надъ французами». «А у меня книги нѣтъ молебныхъ пѣній, Владыка», сказалъ о. Митрофанъ. — «Жаль, сказалъ Владыка, «но, видно, такъ ужъ угодно Богу; кстати теперь уже отпраздновали столѣтній юбилей, то можно этотъ молебень и совсѣмъ оставить. Да въ этой землѣ съ этими молящимися, предки которыхъ шли въ оную войну не противъ Наполеона, а съ Наполеономъ, можно, пожалуй, и не служить. Только я лично безъ этого молебна и Рождества Христова какъ то себѣ не представляю, представьте себѣ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ привычка и въ молитвѣ?» Отслуживъ краткій молебень, мы пришли въ домъ о. настоятеля. Поздравительныя телеграммы, посланныя Владыкѣ со всѣхъ концовъ Америки, почему-то запоздали, онъ ихъ получилъ уже на другой день двадцать шестого декабря.

Долженъ сказать, что и въ Фортъ-Вилліамъ и здѣсь, въ Виннипегѣ, проповѣди Владыки слушались съ особымъ вниманіемъ. Смотрятъ на Владыку съ радостію и отъ умиленія плачутъ. Хорошо тому, кто умѣетъ хорошо говорить. касаться души человѣческой и вол-

новать ее! Будеть-ли доволенъ Владыка за эти слова или будетъ недоволенъ, но я напишу ихъ. Прекрасны рѣчи нашего Владыки, которыя онъ произноситъ въ Нью Йоркѣ; ихъ всегда бы слушалъ и слушалъ; но въ моей душѣ никогда не изгладится то глубокое впечатлѣніе, которое получилъ въ эту поѣздку отъ его Канадійскихъ рѣчей. Въ Фортъ-Вилліамъ, напр., Боже, какъ была прочувствована, назидательна и вмѣстѣ съ тѣмъ проста проповѣдь нашего Владыки! Обращался съ словами любящій родной добрый отецъ къ своимъ дѣтямъ. Особенно врѣзались мнѣ въ память слова Владыки: «ни крайнія неудобства, ни дальнее разстояніе, ни холода, — ничто-ничто меня не удержало дома; я рѣшилъ поѣхать къ вамъ, мои милыя дѣти, помолиться вмѣстѣ съ тобою, моя дорогая паства, и принести въ первый разъ Безкровную Жертву въ вашемъ новоосвященномъ храмѣ!» Многіе и очень многіе плакали вслухъ и отирали слезы, обильно лившіяся.

Или эти, напр., слова, сказанныя имъ въ Виннипегѣ: «Христосъ раждается, славите». «Слышите, всѣ славьте Христа и особенно ты славь Рожденнаго Христа, ты, рабочій чело-вѣкъ; Онъ въ ясляхъ родился; Онъ простымъ рабочимъ былъ. Онъ въ жизни своей не имѣлъ гдѣ и главы подклонити. Славь-же Христа православная Виннипегская паства, состоящая изъ простыхъ рабочихъ, потомъ и кровію снискивающихъ себѣ пропитаніе! Славьте Христа и вы всѣ, и вы, враждующіе съ нами уніаты! Христосъ родился на землѣ; Богъ любви прошелъ на землю и любовь другъ къ другу и намъ принесъ. Мѣсто-ли враждѣ, мѣсто-ли ненависти въ нашемъ христіанскомъ обществѣ? Пусть ваши духовные вожди неистовствуютъ, пусть они злобствуютъ, а мы будемъ отвѣчать имъ любовью и скажемъ патосымъ ихнимъ, нашимъ братьямъ уніатамъ: «братья, довольно враждовать! Христосъ вѣдь у насъ Одинъ, и кровь у насъ одна; языкъ у насъ тотъ-же; тѣ-же обычаи; что же заставляетъ васъ злобствовать?!»

Я слушалъ и думалъ: «ну, Дудка, мало

сдѣлаешь ты въ Канадѣ съ обычною для васъ всѣхъ маперой все наше русское оплевывать, противъ всего выступать съ ругней и злобными выходками».

27-го декабря Владыка служилъ въ Гонорѣ, часа два ѣзды отъ Виннипега. Съ Владыкой явились туда къ службѣ о. М. Поплавскій и о. Н. Самосѣйко, а потомъ подѣхали свящ. о.о. Блонскій и Русиникъ. За Литургіей проповѣдывали настоятель церкви о. Степахинъ, о. Русиникъ и Владыка. Пѣніе здѣсь старо-краевое; псаломщикъ особенно старался; минутами казалось, что у него горло перервется; но онъ блестяще выдержалъ до конца испытаніе и, когда подошелъ ко кресту, получилъ отъ Владыки «спасибо». Владыка нашъ очень любитъ старо-краевое общее народное пѣніе.

Народъ въ Гонорѣ удивительно хорошій. Надо было видѣть, какъ они къ Владыкѣ относились, какъ къ нему, видимо, всей душой стремились. Тутъ Владыка принималъ депутаціи отъ другихъ смежныхъ приходо-въ. Въ четыре часа мы выѣхали изъ Гонора въ Виннипегъ и на открытомъ воздухѣ ожидали поѣзда около часа; перемерзли всѣ съ Владыкой въ конецъ. Когда подошелъ поѣздъ, мы буквально ворвались въ вагонъ. Въ Виннипегѣ мы нашли уже и другихъ, пріѣхавшихъ Канадійскихъ священниковъ. На другой день вмѣстѣ съ о. благочиннымъ, который прибылъ изъ далекаго Эдмонта на утроемъ 28-го декабря, прибыло еще нѣсколько священниковъ. Всѣхъ священниковъ теперь въ Канадѣ уже числомъ двадцать пять; остальные никакъ не могли изъ за чрезмѣрной дали и дороговизны пути явиться въ Виннипегъ.

Миссійное собраніе въ Канадѣ.—Общее одушевленіе.

Двадцать восьмого-же Владыка съ утра открылъ засѣданіе Канадійскаго духовенства, которое протянулось почти весь день. Владыка разрѣшилъ и мнѣ присутствовать на этомъ засѣданіи. Я тутъ только узналъ цѣль и причины этой поѣздки Владыки въ Канаду. Мнѣ

такъ и хотѣлось поклониться Владыкѣ въ ноги, и я еле удерживался отъ этого, да и я ли одинъ? Однѣ мѣры были выработаны, другія обсуждены, предначертаны, какъ необходимыя для дальнѣйшей будущности нашей Православной Канадѣйской Церкви. Я тутъ только понималъ какія великія и тяжелыя обязанности возложены на нашего Владыку. Лишь съ вѣрою на помощь Божию ведется теперь великое въ Канадѣ дѣло, идетъ борьба съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ православія іезуитомъ, присланнымъ недавно туда Римомъ въ санѣ епископа. Изъ рѣчей и объясненій выяснилось, что этотъ уніатскій епископъ по духу тотъ-же Ортынский, а по способу дѣйствованія нѣсколько иной и, пожалуй, болѣе сильный и опасный. Я былъ очевидцемъ усиленнѣйшей не просьбы, а мольбы, съ которою Канадѣйское духовенство обращалось къ Владыкѣ, чтобы онъ по возможности чаще посѣщалъ ихъ или присылалъ къ нимъ Преосвященнаго Александра, или еще бы лучше — хлопоталъ особаго для Канады епископа, который бы всегда жилъ съ ними, переживая съ ними и горе и радость. Владыка выслушалъ это съ глазами полными слезъ, и сказалъ: «отцы! объ этомъ уже я хлопоталъ въ Петербургѣ и тамъ есть члены Синода, глубоко-искренно сочувствующіе вамъ и нашему Канадѣйскому дѣлу и, быть можетъ, ваше желаніе исполнится, а пока будущею осенью васъ посѣтитъ нашъ общій любимецъ Преосвященный Александръ, котораго, поминая въ своихъ молитвахъ, и называйте Аляскинскимъ и Канадѣйскимъ. Богъ дастъ не пропадемъ. Смѣлѣе отцы смотрите впередъ; наше дѣло правое и никакія силы не сокрушатъ его. Будущее Православной Канадѣйской церкви несомнѣнно, въ этомъ будьте вы увѣрены и на этотъ счетъ спокойны». Духовенство было обласкано Владыкою, успокоено и воодушевлено. Послѣ четырехъ часовъ вечера, въ возобновленномъ засѣданіи разбирались частныя дѣла по Канадѣ. Я обратился къ Владыкѣ съ просьбою разрѣшить мнѣ сдѣлать болѣе или менѣе полную запись всего,

что происходило и было выработано на этомъ удивительно содержательномъ собраніи духовенства. Владыка сказалъ: «нельзя», и послѣ разъяснилъ мнѣ почему. Послѣ этого засѣданія я пришелъ въ свою комнату и невольно глубоко задумался: почему у насъ въ Россіи ничего нѣтъ подобнаго? Архіерей, какъ любящій и любимый отецъ, сидитъ въ собраніи священниковъ, какъ въ своей родной семьѣ и каждый членъ собранія пользуется абсолютно свободою участія въ обсужденіи вопросовъ. Удивительное дѣло! Въ этомъ собраніи не было ни знаменитыхъ кандидатовъ Богословія, ни этихъ нашихъ гордыхъ студентовъ семинаріи, а послушали бы они, какъ здѣсь говорятъ, съ какою искрою и съ какимъ убѣжденіемъ высказываютъ свои личные взгляды на дѣло. Ни одной шероховатости, ни одной неловкости, которыя такъ часты и такъ слишкомъ непремѣнны даже на нашихъ благочинническихъ собраніяхъ въ Россіи. Чѣмъ это объяснить, не знаю? И надъ этимъ я положительно недоумѣваю. Конечно, главнымъ рычагомъ тутъ является личность Владыки. Но ужели же съ отъѣздомъ Владыки отъ насъ прекратилась бы возможность и у насъ такихъ собраній? Это было бы болѣе чѣмъ печаль. Живи здѣсь, Владыко, до конца своей жизни, которую да продлитъ Тебѣ Богъ, не послѣднихъ предѣловъ жизни человѣческой! Тогда не только Америкѣ, а и Канадѣ не будутъ страшны никакіе враги и никакія опасности. Я въ миссіи новый и маленькій человѣкъ, только лишь діаконъ, но и я почувствовалъ себя не бесполезнымъ членомъ ея, готовымъ отдать всего себя, всѣ свои силы на пользу нашего великаго дѣла. Это собраніе и меня весьма обрадовало и весьма осчастливило. Есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ, крѣпка еще сила наша, если мы можемъ стоять и противустоятъ такой силѣ, какъ этотъ іезуитизмъ съ его традиционными средствами и опытомъ многихъ вѣковъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ В. Курдюмовъ.

Значеніе Православія въ жизни и исторической судьбѣ Россіи.

What Orthodoxy Means to Russian Life and Historical Destinies.

(By A. Tsarefsky).

Православіе, говорятъ, ничѣмъ не обнаруживаетъ своей правоты и истины, оно, будто бы никого и ничего не привлекаетъ къ себѣ, не растетъ и не успѣваетъ на землѣ. — Такъ можетъ говорить только крайняя близорукость и незнаніе истиннаго положенія дѣла. Правда, нельзя не сознаться, что въ дѣлѣ распространенія Православія мы, русскіе люди, обнаруживаемъ крайнюю безпечность и непростительное бездѣйствіе. У насъ дѣло проповѣди иновѣрцевъ стоитъ очень не блестяще; нѣтъ у насъ столь широкихъ миссіонерскихъ учрежденій, какъ на западѣ, и не затрачивается на это дѣло такихъ большихъ матеріальныхъ средствъ, какъ тамъ. Успѣхи миссіонерства, въ достаточной степени не организованнаго, у насъ зависятъ больше отъ личной инициативы и отъ частныхъ подвиговъ отдѣльныхъ исключительныхъ лицъ, каковы были на примѣръ: Стефанъ Пермскій, Филоѳей, Иннокентій сибирскій и др. И однако, не смотря на усиленную пропаганду католиковъ и безпечность православныхъ, Православіе, ужъ именно своею внутреннею силою и жизненностию, растетъ и развивается на землѣ гораздо болѣе католичества. Какъ чудодѣйственно было просвѣщеніе Православіемъ всей Россіи, которую, собственно говоря, никто не склонилъ, не располагалъ къ Православію, но которая сама пошла въ срѣтеніе его, такъ и по сей день, и доселѣ какъ бы таинственно и незамѣтно, но вѣрно и неуклонно, изъ вѣка въ вѣкъ растетъ Церковь Православная. Какъ въ гражданскомъ нашемъ быту, не смотря на полную и безпрепятственную самобытность, даруемую Россіи всѣмъ иноплеменникамъ, по-

Some say that Orthodox Christianity does not manifest in any obvious way its righteousness and truth, does not draw anything or anybody to itself, does not increase and prosper upon the earth. — This judgment can be expressed only by extreme short-sightedness and ignorance of the real state of things. True, it can not be denied that, in the matter of the propagation of our religion, we Russians are exceedingly careless and criminally inactive. Our missionary efforts are far from brilliant, we have nothing or anything as large a scale as the missionary organizations of the West, nor do we expend in this cause nearly as much money. The success of our missionary work, practically unorganized, depends principally on personal initiative and on the private labors of exceptional individuals, such as Stephen of Perm, Philoteus, Innocentius of Siberia, and others. And yet, in spite of the vigorous Catholic propaganda and our own carelessness, Orthodoxy, unaided by anything but its own inner force and vitality, grows and spreads upon the earth far more than Catholicism. How wonderful was the christinization of all Russia by the Orthodox Church — since in reality no one urged or disposed Russia in favor of it, but she met it halfway; yet to this day, mysteriously, imperceptibly, but steadily and unfailingly, the Orthodox Church has kept increasing from century to century. As in our civil life, in spite of the ample and untrammelled liberty which is left in Russia to all alien races, the latter voluntarily spontaneously accept the Russian civil order

слѣдніе сами собою, добровольно и непринужденно подчиняются русской гражданственности, сливаются съ русской народностью; такъ же точно, не смотря на свободу вѣроисповѣданій, въ силу которой у насъ рядомъ съ православнымъ храмомъ свободно помѣщается и кирка и синагога, на ряду съ крестомъ высится къ небу полумѣсяцъ, распространение Православія идетъ безостановочно и положительно успѣшно. Три вѣка тому назадъ, напримѣръ, не было и слѣдовъ Православія во всей необъятной Азій сѣверной, а теперь православное населеніе ужъ стало господствующимъ на берегахъ Оби и Иртыша, Енисея и Ангары, Лены и Амура, и отдаленнѣйшей Камчатки. Это-ли еще не поразительные успѣхи Православія на землѣ! И послѣ этого можно говорить о безжизненности, о застоѣ Православной Церкви!

А вѣдь это-то и есть самый главный упрекъ Православію, самое, какъ думаютъ на западѣ злое и смертоносное обвиненіе противъ него: тамъ упорно всѣми и всюду повторяется мнѣніе, что русская Православная Церковь есть и всегда остается замкнутою въ себѣ, недѣятельною, безжизненною, что съ самаго начала она остановилась у насъ на точкѣ замерзанія, что въ ней изсякла всякая дѣятельность и энергія, совсѣмъ застыла жизнь. — Возможно, что жизнь Церкви Православной не бьетъ такъ въ глаза и не блистаетъ такими яркими красками, какъ напр. жизнь церкви западной: тамъ болѣе и шума и блеска; но этой внѣшностью тамъ прикрывается несомнѣнное оскудѣніе внутренней жизни, и сами католики не могутъ признаться, что христіанство въ жизни западной Европы не по днямъ, а по часамъ уходитъ отъ людей и все больше и больше отступаетъ въ область преданій. Между тѣмъ знамя вѣры православной на Руси святой, благодареніе Богу, и теперь стоитъ высоко. Всѣ жизненные силы церкви нашей и теперь, какъ было всегда доселѣ, пребываютъ въ постоянномъ напряженіи и полномъ дѣйствіи. При всѣхъ и самыхъ неблагопріятныхъ,

and become merged in the Russian nationality,—so in spite of the religious liberty, owing to which kirk and synagogue freely take their place side by side with the Orthodox temple, the crescent points to heaven side by side with the cross, Orthodoxy spreads steadily and with positive success. Thus for instance, three centuries ago there was not a trace of it in all the immensity of Northern Asia, while now the Orthodox population already predominates on the Obi and Irtysh, the Yenissei and the Angara, the Lena and the Amoor, and all the way to remotest Kamchatka. Surely such progress is remarkable! Can there be, in view of such facts, any talk of lack of vitality, of stagnation?

And yet, this is the principal accusation brought up against Orthodoxy — the most fatal, it is thought in the West; everywhere and by everybody there the opinion is repeated that the Russian Orthodox Church is and always will remain self-isolated, inactive, lifeless, — that she, from the first stopped in our country at the freezing point, — that her activity and energy have long been exhausted, — that life is finally benumbed. Possible, that life in the Orthodox Church does not dazzle and shine with such brilliant tints as in Western Church; there is more noise and splendor there; but under it all there is undoubtedly an impoverishment of the inner life, and the R. Catholics themselves cannot deny that, in the life of Western Europe, Christianity daily, hourly, recedes from human actuality further into the domain of tradition. Yet, and at the same time, the banner of the Orthodox faith, thanks be to God, waves high in Russia. All the vital forces of our Church now, as ever, are in full and constant activity. In spite of all the unfavorable conditions produced in modern Russia by the corrupting influences of the West, the Orthodox Church continues her blessed work, keeps alive in the hearts of her

Значеніе Православія въ жизни и исторической судьбѣ Россіи.

What Orthodoxy Means to Russian Life and Historical Destinies.

(By A. Tsarefsky).

Православіе, говорятъ, ничѣмъ не обнаруживаетъ своей правоты и истины, оно, будто бы никого и ничего не привлекаетъ къ себѣ, не растетъ и не успѣваетъ на землѣ. — Такъ можетъ говорить только крайняя близорукость и незнаніе истиннаго положенія дѣла. Правда, нельзя не сознаться, что въ дѣлѣ распространенія Православія мы, русскіе люди, обнаруживаемъ крайнюю безпечность и непростительное бездѣйствіе. У насъ дѣло проповѣди иновѣрцевъ стоитъ очень не блестяще; нѣтъ у насъ столь широкихъ миссіонерскихъ учрежденій, какъ на западѣ, и не затрачивается на это дѣло такихъ большихъ матеріальныхъ средствъ, какъ тамъ. Успѣхи миссіонерства, въ достаточной степени не организованнаго, у насъ зависятъ больше отъ личной инициативы и отъ частныхъ подвиговъ отдѣльныхъ исключительныхъ лицъ, каковы были на примѣръ: Стефанъ Пермскій, Филовей, Иннокентій сибирскій и др. И однако, не смотря на усиленную пропаганду католиковъ и безпечность православныхъ, Православіе, ужъ именно своею внутреннею силою и жизненностию, растетъ и развивается на землѣ гораздо болѣе католичества. Какъ чудодѣйственно было просвѣщеніе Православіемъ всей Россіи, которую, собственно говоря, никто не склонилъ, не располагалъ къ Православію, но которая сама пошла въ срътеніе его, такъ и по сей день, и доселѣ какъ бы таинственно и незамѣтно, но вѣрно и неуклонно, изъ вѣка въ вѣкъ растетъ Церковь Православная. Какъ въ гражданскомъ нашемъ быту, не смотря на полную и безпрепятственную самобытность, даруемую Россіи всѣмъ иноплеменникамъ, по-

Some say that Orthodox Christianity does not manifest in any obvious way its righteousness and truth, does not draw anything or anybody to itself, does not increase and prosper upon the earth. — This judgment can be expressed only by extreme short-sightedness and ignorance of the real state of things. True, it can not be denied that, in the matter of the propagation of our religion, we Russians are exceedingly careless and criminally inactive. Our missionary efforts are far from brilliant, we have nothing or anything as large a scale as the missionary organizations of the West, nor do we expend in this cause nearly as much money. The success of our missionary work, practically unorganized, depends principally on personal initiative and on the private labors of exceptional individuals, such as Stephen of Perm, Philoteus, Innocentius of Siberia, and others. And yet, in spite of the vigorous Catholic propaganda and our own carelessness, Orthodoxy, unaided by anything but its own inner force and vitality, grows and spreads upon the earth far more than Catholicism. How wonderful was the christinization of all Russia by the Orthodox Church — since in reality no one urged or disposed Russia in favor of it, but she met it halfway; yet to this day, mysteriously, imperceptibly, but steadily and unfailingly, the Orthodox Church has kept increasing from century to century. As in our civil life, in spite of the ample and untrammelled liberty which is left in Russia to all alien races, the latter voluntarily spontaneously accept the Russian civil order

слѣдніе сами собою, добровольно и непринужденно подчиняются русской гражданственности, сливаются съ русской народностью; такъ же точно, не смотря на свободу вѣроисповѣданій, въ силу которой у насъ рядомъ съ православнымъ храмомъ свободно помѣщается и кирка и синагога, на ряду съ крестомъ высится къ небу полумѣсяцъ, распространіе Православія идетъ безостановочно и положительно успѣшно. Три вѣка тому назадъ, на примѣръ, не было и слѣдовъ Православія во всей необъятной Азіи сѣверной, а теперь православное населеніе ужъ стало господствующимъ на берегахъ Оби и Иртыша, Енисея и Ангары, Лены и Амура, и отдаленнѣйшей Камчатки. Это-ли еще не поразительные успѣхи Православія на землѣ! И послѣ этого можно говорить о безжизненности, о застоѣ Православной Церкви!

А вѣдь это-то и есть самый главный упрекъ Православію, самое, какъ думаютъ на западѣ злое и смертоносное обвиненіе противъ него: тамъ упорно всѣми и всюду повторяется мнѣніе, что русская Православная Церковь есть и всегда остается замкнутою въ себѣ, недѣятельною, безжизненною, что съ самаго начала она остановилась у насъ на точкѣ замерзанія, что въ ней изсякла всякая дѣятельность и энергія, совсѣмъ застыла жизнь. — Возможно, что жизнь Церкви Православной не бьетъ такъ въ глаза и не блистаетъ такими яркими красками, какъ напр. жизнь церкви западной: тамъ болѣе и шума и блеска; но этой внѣшностью тамъ прикрывается несомнѣнное оскудѣніе внутренней жизни, и сами католики не могутъ признаться, что христіанство въ жизни западной Европы не по днямъ, а по часамъ уходитъ отъ людей и все болѣе и болѣе отступаетъ въ область преданій. Между тѣмъ знамя вѣры православной на Руси святой, благодареніе Богу, и теперь стоитъ высоко. Всѣ жизненные силы церкви нашей и теперь, какъ было всегда доселѣ, пребываютъ въ постоянномъ напряженіи и полномъ дѣйствіи. При всѣхъ и самыхъ неблагопріятныхъ,

and become merged in the Russian nationality,—so in spite of the religious liberty, owing to which kirk and synagogue freely take their place side by side with the Orthodox temple, the crescent points to heaven side by side with the cross, Orthodoxy spreads steadily and with positive success. Thus for instance, three centuries ago there was not a trace of it in all the immensity of Northern Asia, while now the Orthodox population already predominates on the Obi and Irtysh, the Yenissei and the Angara, the Lena and the Amoor, and all the way to remotest Kamchatka. Surely such progress is remarkable! Can there be, in view of such facts, any talk of lack of vitality, of stagnation?

And yet, this is the principal accusation brought up against Orthodoxy — the most fatal, it is thought in the West; everywhere and by everybody there the opinion is repeated that the Russian Orthodox Church is and always will remain self-isolated, inactive, lifeless, — that she, from the first stopped in our country at the freezing point, — that her activity and energy have long been exhausted, — that life is finally benumbed. Possible, that life in the Orthodox Church does not dazzle and shine with such brilliant tints as in Western Church; there is more noise and splendor there; but under it all there is undoubtedly an impoverishment of the inner life, and the R. Catholics themselves cannot deny that, in the life of Western Europe, Christianity daily, hourly, recedes from human actuality further into the domain of tradition. Yet, and at the same time, the banner of the Orthodox faith, thanks be to God, waves high in Russia. All the vital forces of our Church now, as ever, are in full and constant activity. In spite of all the unfavorable conditions produced in modern Russia by the corrupting influences of the West, the Orthodox Church continues her blessed work, keeps alive in the hearts of her

вслѣдствіе раслѣвающего вліянія запада, условіяхъ русской современности, Церковь Православная продолжаетъ свою благодатную дѣятельность, поддерживая въ сердцахъ исповѣдниковъ своихъ искру вѣры въ Бога и вноситъ въ жизнь ихъ оцлодотворяющія начала гуманности и духовной чистоты. Правда, не всегда бросается въ глаза эта дѣятельность и это вліяніе церкви, но это потому только, что Православіе менѣе всего трудится на показъ. Какъ природа и зимою не умираетъ, а лишь готовится къ новой жизни, такъ и Церковь Православная можетъ иногда, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія и на поверхностный взглядъ, казаться какъ бы замолкающею; но это — вовсе не смерть, не ослабленіе ея животворной силы, а развѣ только новый фазисъ бытія, развѣ только болѣе тонкая, незримая форма той же вѣчной и, по слову Спасителя, до скончанія вѣка не имѣющей прерваться жизни.

Въ одномъ только единственномъ отношеніи нельзя не согласиться съ западными христианами, обвиняющими нашу Церковь въ бездѣйствіи; съ одной только стороны мы и сами не можемъ оспаривать своего застоя: мы не дѣятельны и не подвижны въ вѣрѣ своей въ томъ смыслѣ, въ какомъ очень дѣятельны и предприимчивы р.-католики, а особенно протестанты. За девять столѣтій, послѣ раздѣленія Церквей, мы не сочинили ни единого новаго догмата, мы не ломаемъ священныхъ преданій и уставовъ нашей святой Церкви, мы не раздѣляемъ нашего Православнаго христианства на десятки, чуть не сотни различныхъ преломленій, сектъ, исповѣданій. Мы, дѣйствительно, и доселѣ твердо и неуклонно стоимъ на томъ самомъ неподвижномъ камени заповѣдей Христовыхъ и ученія апостольскаго, на который, великою милостію Господнею, стали съ самаго начала нашего существованія. Но въ этомъ-то и великая сила нашей Русской Церкви; въ этомъ не укоръ и поношеніе, а истинная и величайшая слава и похвала наша; благодаря этой неподвижности,

children the spark of faith in God and brings into their lives the fruitful seeds of human feeling and spiritual purity. True, this work and this influence of the Church do not always strike the eye, but that is only because the Orthodox Church never worked for show. As nature does not die in winter, but only prepares for a renewal of life, so the Orthodox Church may sometimes, if considered from certain points of view, and that superficially, appear to be quiescent; but that is neither death nor decay, nor a weakening of vitality, but rather a new phase of being, a more subtle, invisible form of the same life which, the Savior assures us, is not to cease unto the end of time.

In one respect only we cannot but agree with the Christians of the West when they accuse our Church of inaction; on one point we cannot deny that we *are* standing still: we are inactive and immovable in our faith in the sense in which the R. Catholics, and still more the Protestants, are very active and enterprising indeed. Through nine centuries—ever since the separation of the Churches—we have not invented a single new dogma, we have not broken the sacred traditions and statutes of our Church, we have not cut up our Orthodox Christianity into dozens, if not hundreds, of different fractions, sects, denominations. We do in truth, and to this day, firmly and unsfervingly, stand on the same “firm rock of Christ’s teaching” and the Apostles’, upon which, by the Lord’s great mercy, we took our stand from the beginning of our existence. But therein lies the great strength of our Russian Church; therein is no reproach of reflection upon it; it is, on the contrary, our true boast and glory: owing to this very immobility, we, and we alone, the sons of the Orthodox Church, have carried to the verge of a new millennium the divinely revealed faith in its primeval purity, and to this day abide “in the halls of the One God.”

только мы одни, сыны Церкви Православной, донесли до рубежа новаго тысячелѣтія вѣру Богооткровенную въ первоначальной ея чистотѣ и доселѣ пребываемъ *во дворѣхъ Бога истиннаго!*

На этомъ недвижномъ основаніи, самимъ Господомъ утвержденномъ, Церковь Православная не замерла и не остановилась, она вѣчно живетъ, непрестанно дѣйствуетъ, всегда исполнена славнаго труда и святой заботы, она нерѣдко весь міръ, вѣрный и невѣрный поражаетъ силою и подъемомъ своего живущаго въ ней духа.

Вспомните исторію минувшей жизни Россіи, — сколько благородныхъ дѣлъ и самоотверженныхъ подвиговъ здѣсь совершила или подготовила Православная Церковь, сколько великихъ людей призвала она къ святой жизни и плодотворной дѣятельности, сколько могучихъ силъ духовныхъ развернула, величавыхъ характеровъ создала она! Пройдите мысленно по лицу земли святорусской: всѣ необозримыя пространства ея отъ края до края усѣяны, украшены и освящены православными святынями. Есть ли какая мѣра, хватитъ ли цифръ, чтобы исчислить храмы православные, которые, какъ звѣзды частыя на небѣ, покрыли безконечною сѣтью своею всю землю русскую! А разсѣянные въ изобиліи и повсюду монастыри, начиная съ самыхъ крайнихъ оконечностей обитаемой земли русской и кончая самыми непроходимыми ея захолустьями, обратили всю Россію въ одну обширную обитель святую...

О, безъ сомнѣнія, жива наша благодатная мать, Православная Церковь, наша сила и освященіе въ жизни, наше упованіе въ смерти, наша Божественная пристань и упокоеніе по смерти, — жива она, какъ живъ самъ Господь истинный, въ Котораго мы вѣруемъ и Которымъ живемъ, движемся, есмы!

Мемду тѣмъ какъ инославныя христіанскія исповѣданія, искажающія правое Богооткровенное ученіе въ безконечныхъ переливахъ, взаимно одно другое подрываютъ, уничтожа-

While resting upon this immovable foundation, established by the Lord Himself, the Orthodox Church has not become benumbed or inactive, she lives eternally, is unceasingly active, is always full of glorious work and holy cares; she not unfrequently astonishes the world, believing or infidel, by the forcefulness and uplifting power of the spirit which abides within her. The results of her activity, so full of life, the fruits of her efforts and labors, are patent for all the world to see. Verily, how much spiritual wealth, what a great and most precious capital of holiness the Orthodox Church has already accumulated in Russia!

Let us call to mind the past history of Russia: how many noble deeds and acts of self-sacrifice has not the Church performed or inspired! how many great men has not called to a holy life and useful work! how many mighty spiritual forces has she not developed, how many grand characters has she not created! Let our thoughts roam over the face of Holy Russia: the immensity of the land, from end to end, is studded, adorned, sanctified with Orthodox temples, shrines and sanctuaries—brilliant stars in the Russian sky. And the monasteries scattered through the country from its farthest inhabited limits to its most impassable wilderness, have converted it into one vast home of holiness.

Surely, surely she is living, our gracious mother, the Orthodox Church, our strength and consecration in life, our hope, our peaceful, divine haven in death, — living as the Lord Himself, in Whom we believe, in whom we live, and move, and have our being.

While other Christian confessions distort the true, divinely revealed doctrine by endless re-handlings, mutually undermining, destroying each other, and falling—the truth, long freed from the clouds of heretical error which strove to obscure it, shines now with calm, even high, and sheds it, unpaling, unsetting, over the word from the Orthodox

ютъ и падаютъ, истина, давно уже освободившаяся отъ силъвшихся омрачить ее тучь еретическаго заблужденія, стоитъ теперь ровно, спокойно, и свѣтитъ она немерцающимъ, неизменнымъ свѣтомъ для всего міра въ церкви русской православной. Для Россіи нашей Православіе есть благодатная сила, съ самаго начала создавшая, духовно оживавшая наше стомилионное племя, его возвеличившая и потомъ всегда хранившая и спасавшая его въ роковыя минуты. Для насъ же русскихъ людей, Православіе есть безцѣнное наслѣдіе и священный завѣтъ нашей святой старины, руководственное начало въ настоящемъ и высшій непремѣнный идеаль культурный нашего будущаго; въ Православіи наше и спасеніе и единственно желательное и нужное просвѣщеніе, наша сила и величіе, вся красота души русской и высшая поэзія сердець нашихъ. Вѣруемъ и надѣемся, что рано или поздно и прочіе народы въ своей жаждѣ духовной и холодѣ религіозномъ притекутъ подъ святой кровъ Церкви Православной, на которую они теперь уже съ такимъ вниманіемъ начинаютъ смотрѣть.

Вырочемъ, будущія судьбы церкви Христовой на землѣ сокрыты отъ насъ. Поэтому, съ ужасомъ и содроганіемъ сердечнымъ мы можемъ предвидѣть и другой возможный исходъ: можетъ быть, наоборотъ, и мы сами будемъ больше и больше терять свою завѣтную святыню Православія, какъ уже многіе въ нашей средѣ, на нашихъ глазахъ, потеряли и теряютъ ее; можетъ быть исполнится страшное предупрежденіе евангельское, что когда придетъ Сынъ Человѣческій—*егда обратитъ вѣру на землѣ, найдетъ-ли вѣру на землѣ!*.... Мысль объ этой страшной возможности вѣчно должна предостоять сознанію русскаго чело- вѣка и неотступно предостерегать его отъ самоуспокоенія и духовнаго расслабленія. Вѣчно должны мы памятовать, что мы еще очень несовершенный сосудъ для Божественной истины, очень ненадежный и недостойный ковчегъ для спасенія у насъ только сохранив-

Church. For our native Russia Orthodoxy is a power of grace, which, from the first, gathered, spiritually quickened what is now a nation of a hundred millions, led our people to greatness, and always guarded and saved it at critical times. For ourselves, as individuals, Orthodoxy is a priceless inheritance and sacred bequest from the past, a guiding principle in the present, the supreme and certain ideals of our culture in the future. In Orthodoxy is our salvation, the one thing needful and desirable for our enlightenment, our strength and greatness, the beauty of the Russian soul and the supreme poetry of our hearts. We believe and we hope that, sooner or later, the other nations also in their spiritual thirst and religious hunger, will seek the shelter of the holy Orthodox Church, on which they are already fixing so attentive a gaze.

However, the future destinies of the Church of Christ on earth are hidden from us. Therefore we are able to imagine, with horror and shuddering heart, the opposite issue: it *may* come to pass that we ourselves shall lose our sacred treasure, as so many among us have already lost and are daily losing it. The dread Gospel warning may be realized, that, when the Son of Man comes and seeks faith upon the earth, He may not find faith... The thought of this terrible possibility should be constantly present to our minds and kept us from selfdeception and spiritual laxity. We should constantly remember that we are very imperfect vessels to hold divine truth, a very unreliable and unworthy ark for the conservation of the heavenly righteousness preserved among us. We should constantly feel and realize that we are far from being the light of the world, but only have in our keeping the light which is to illumine the world, — that light is not *within* us, but only *with* us, — that we ourselves are possibly humbler, poorer, than others, in all respects, — that we are infirm and

шейся правды небесной. Вѣчно должны мы чувствовать и сознавать, что сами мы еще далеко не свѣтъ міру, а только владѣемъ свѣтомъ для міра, что не въ насъ этотъ свѣтъ, а только у насъ, что мы-то сами можетъ быть ниже, бѣднѣе и во всѣхъ отношеніяхъ немощнѣе, грѣшнѣе всѣхъ человѣковъ, а что вся сила и превосходство наше предъ другими только прежде всего намъ дарованной и у насъ хранимой возможности спасенія. Такъ или иначе, угодно-ли будетъ Господу весь міръ человѣческій привлечь въ лоно святого Православія, или же допустить Онъ сохраниться ему на землѣ только въ сердцахъ малыхъ избранныхъ, во всякомъ случаѣ мы тѣмъ больше должны дорожить своимъ Православіемъ, еще тѣснѣе спланиваться подъ его-спасительнымъ знаменемъ, еще крѣпче держаться за его священную хоругвь.

Въ послѣднее время религіозное охлажденіе интеллигентнаго европейскаго общества и уклоненіе отъ христіанства уже произвело и у насъ на Руси тотъ духовный чадъ, въ которомъ смертно угорѣло много молодыхъ и цвѣтущихъ силъ Россіи. Мракъ религіознаго индифферентизма, туманъ всевозможныхъ мистическихъ и вздорныхъ лжеученій, распатанность нравственныхъ основъ жизни, неудовлетворенность и тоска человѣка въ самомъ себѣ, недовольство и скука даже жизнию, драгоцѣннѣйшимъ даромъ небесъ, — вотъ печальныя знаменія нашего вѣка, Къ рубежу новаго вѣка современный человѣкъ приступилъ въ томительномъ ожиданіи какого-то обновленія, съ безотчетнымъ желаніемъ духовнаго подъема... Для русскаго человѣка не можетъ быть ни загадки, ни недоумѣній относительно того, гдѣ и въ чемъ искать это обновленіе. *Православіе* — вотъ единственный и ничѣмъ незамѣнимый источникъ обновленія въ стужающемся мракѣ современности, вотъ вѣрный исходъ отъ наслоенія разныхъ вредныхъ началъ, уже не мало изнурившихъ и изнуряющихъ теперь благодатную почву духовную Россіи. Въ Православіи всег-

sinful of human beings, and that all our strength and pre-eminence consists in the facilities for excellence which were granted to us first and given into our keeping. One way or another — whether it be the Lord's will to draw all mankind into the bosom of the holy Orthodox Church, or to let her doctrine endure on earth only in the hearts of a few elect, — in any case we ought to value our Church all the more, to stand all the more closely arrayed under her saving banner and hold it up all the more firmly.

The intellectual classes in Europe have of late years grown more and more cold toward religion, departed more and more from Christianity, and their influence has made itself felt in Russia, producing those asphyxiating spiritual fumes which have stifled so many young and promising souls. The darkness of religious indifferentism, the fog of all sorts of mystical and futile false teachings, the instability of the moral bases of life, man's dissatisfaction with himself, his discontent, even to disgust, with life, that most precious gift of Heaven — such are the sad signs of this century of ours on the threshold of which modern man stood in yearning expectation of some kind of renovation, with an undefined longing for spiritual uplifting... A Russian can have no doubt or uncertainty about where and where-in this renovation is to be sought. Orthodox Christianity — that is the one and only fountain or regeneration in the thickening gloom of modern life, the sure issue from the accumulation of various pernicious principles, which have in no small degree exhausted, and are still exhausting the rich spiritual soil of Russia. Orthodoxy has always been the fountain head of our State's life and strength, of our national power and prosperity, of health and courage to every believing soul. Orthodoxy has always been to Russia the divine lever which could lift the entire people and every individual Russian out of

да быть источникъ нашей жизни и силы государственной, благоденствія и могущества общенароднаго, здоровья и бодрости для всякой вѣрующей души. Православіе для Россіи всегда было Божественнымъ двигателемъ, который подымалъ силы цѣлаго народа и всякаго челоуѣка русскаго изъ разслабленія и изъ отчаянія, многократно изводилъ Россію изъ пучины бѣдствій. Можно ли хоть на іоту усомниться въ томъ, что и впереди, пока русскій народъ будетъ прочно стоять на твердынь своего святого Православія, до тѣхъ поръ Россія будетъ сильна и свѣтла физически и духовно и какіе бы ни встрѣтились на ея историческомъ пути враги—нравственные, экономическіе, политическіе,—подъ сѣнію Православія она не подвижится во вѣкъ!

А. Царевскій.

Встрѣча новаго Года въ Нью Йоркѣ.

(«Свѣтъ»).

13 Января, 1913 года, по новому стилю, русское православное Братство Пресвятыя Богородицы устраивало встрѣчу Новаго Года въ большомъ роскошномъ залѣ Webster Hall.

Въ 9 час. вечера начался Концертъ, въ которомъ принимали участіе лучшіе артисты русской колоніи, а также и американцы, друзья русскихъ. Какъ отрадно было сознавать, что находясь въ Америкѣ, можешь наслаждаться русскимъ пѣніемъ, музыкой и посмотреть, какъ наши русскіе «откалываютъ» мажороссійскаго гопака.

Залъ былъ переполненъ русской публикой. Къ 10 час., послѣ всенощной, сюда изволилъ прибыть Пресвященный Александръ (известный въ средѣ простаго рабочаго народа подъ именемъ «народнаго епископа») въ со-

paralyzing indolence and despair, which has repeatedly brought Russia safely out of "a sea of troubles". Can there be even so much as an iota of a doubt that in the future also, so long as the Russian people stand firmly anchored on their holy Orthodox Church — so long Russia shall be strong and luminous, physically and spiritually, and that whatever foes many stand in her historical path, — moral, economic, political — she will never be moved from her position so long as she abides under the shelter of Orthodoxy!

провожденіи каѳ. протоіерея А. Хотовицкаго, каѳ. ключаря прот. І. Слюнина и казначея консисторіи о. І. Чепелева. При входѣ Высокаго гостя въ залъ оркестръ музыки исполнилъ русскій народный гимнъ «Боже, Царя храни». Всѣ присутствовавшіе въ знакъ сыновней признательности и великой благодарности за сдѣланную честь посѣщеніемъ Владыкой братской забавы встали со своихъ мѣстъ и стояли до тѣхъ поръ, пока Владыка Александръ не окончилъ своей прекрасной, высокопатріотической рѣчи, привѣтствія по случаю наступленія Новаго Года. Краснорѣчивое привѣтствіе Владыки Александра было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Побывъ недолгое время и осчастлививъ многихъ братчиковъ, простыхъ рабочихъ, разговоромъ, Владыка оставилъ братскую забаву при великой благодарности всѣхъ присутствующихъ.

Концертъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія. Струнный оркестръ, подъ управл. профессора Marco Azzar, состоявшій изъ 12 челоуѣкъ, выступилъ первымъ. Классическіе исполненные оркестромъ нѣсколько маршей американскихъ и русскихъ пѣсенъ, привели публику въ восторгъ и она громко рукоплескала артистамъ. Дѣвочка Женя Сазановичъ, дочь члена Братства, прекрасно исполнила

на шанно русскій народный гимнь и американскія военныя пѣсни. Молодая музыкантша за свою игру получила отъ слушателей громкіе аплодисменты. «Поэтъ» А. Веремко изъ Питтсбурга, продекламировавшій «Мужъ и жена», за свою комическую декламацию, вызвавшую массу смѣха, былъ покрытъ шумными вызовами. Затѣмъ слѣдовалъ новый номеръ, въ первый разъ исполнявшійся въ Нью-Йоркѣ. Плясался малорусскій казачекъ. Живо и стройно игралъ оркестръ, но еще живѣе «откалывалъ» казачка г. К. Коваленко. Народный, родной танецъ и прекрасное его исполненіе, такъ развеселили публику, что молодой танцоръ, по ея желанію долженъ былъ исполнять свой номеръ еще нѣсколько разъ. За роднымъ «козачкомъ» на сценѣ появилась родная балалайка. Г. М. Михайловъ, извѣстный балаечникъ-куплетистъ, въ національномъ костюмѣ великоросса-крестьянина, прекрасно аккомпанируя на балалайкѣ, пѣлъ злободневныя русскія куплеты. Публика смѣялась. Хлопаніе ладошъ прерывало исполнителя куплетовъ. Его вызывали нѣсколько разъ. Благосклонное участіе въ концертѣ извѣстнаго любимца Нью-Йоркской публики Н. Г. Василевскаго и его чудное исполненіе романсовъ доставило русской публикѣ громадное артистическое наслажденіе. Голосъ г. Василевскаго звучно переливался по громадному залу. Какъ появленіе Н. Г. Василевскаго, такъ и уходъ со сцены сопровождался громкими аплодисментами.

Послѣ концерта начались танцы.

За нѣсколько минутъ до полуночи все электрич. огни въ залѣ были погашены, но танцы еще продолжались и музыка не стихала. Огни начали мигать, указывая на приближеніе Нового Года.

12 часовъ ночи! Новый годъ! Весь залъ освѣтился огнями. Съ Новымъ Годомъ! Съ новымъ счастьемъ! — раздалось кругомъ. Оркестръ заигралъ русскій народный гимнь. На

сценѣ сверху спустился русскій національный флагъ. Громкое, могучее русское «ура!» и аплодисменты разнеслись по залу. На смѣну русскому явился американскій гимнь, сопровождавшійся появленіемъ американскаго флага. Опять громовое «ура» раздалось по залу. Затѣмъ кафедральный ключарь прот. о. ѳ. Слюнинъ отъ имени Первосвятителя Американской Православной Церкви привѣтствовалъ съ Новымъ Годомъ всехъ русскихъ людей, присутствовавшихъ въ залѣ. Задушевно сказанное привѣтствіе встрѣчено было рукоплесканіями. Привѣтствіе отъ Преосвященнаго **А л е к с а н д р а** передалъ собравшимся Г. Добровъ, который и предложилъ послать двѣ телеграммы съ поздравленіемъ съ Новымъ Годомъ Архіепископу Платону въ Канаду и Епископу Александру въ соборъ. Предложеніе пришлось по сердцу всей публикѣ.

Такъ-то былъ встрѣченъ русскій Новый Годъ русскими людьми въ Нью-Йоркѣ!

Порядокъ былъ превосходный, за что благодарность принадлежитъ предсѣдателю братства г. Н. Лещу и г. В. Журавлеву. Сердечная благодарность и г. А. Калѣчицу, молодому музыканту, благодаря которому 12 человекъ, участвовавшихъ въ струнномъ оркестрѣ, согласились играть на концертѣ совершенно бесплатно.

Г. Добровъ.

«0»

ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТИ ВЪ ЕГО НАУЧНОЙ ПОСТАНОВКѢ.

В. З. Завитневича.

(Продолженіе.)

Соловьевъ, далѣе, говорить о двукратномъ якобы самоотреченіи русскаго народа, имѣя при этомъ въ виду фактъ призванія варяговъ при началѣ нашей исторіи, и реформы Петра В. Но если бы этотъ знаменитый философъ поближе познакомился съ положеніемъ этихъ вопросовъ въ наукѣ, то онъ прежде всего увидѣлъ бы, что союзъ сѣверныхъ племенъ, призывая Рюрика съ братьями, не только не отрекался отъ своей по-

литической независимости и народной самобытности, но, наоборотъ, приглашеніемъ иноземныхъ дружинъ къ себѣ на службу онъ именно хотѣлъ оградить свою независимость и самобытность отъ посягательства на нихъ тѣхъ заморскихъ разбойниковъ, отъ насилія которыхъ онъ недавно предъ этимъ освободился. Приглашенный на службу Рюрикъ, послѣ упорной борьбы съ Новгородцами, дѣйствительно захватилъ княжескую власть въ свои руки, а его преемники, опираясь на силу иноземныхъ дружинъ, произвели рядъ дальнѣйшихъ завоеваній. Но что славянорусскія племена, подчиняясь иноземной власти, не отрекались отъ своей народности, это обнаружилось въ обстоятельствахъ вступленія на Кіевскій столъ Владиміра Святославича, воспитаннаго русскою матерью Малюшею и дядею по матери Добрынею въ русскомъ народномъ духѣ. Необыкновенное религіозное воодушевленіе, выразившееся въ сооруженіи цѣлаго ряда кумировъ въ честь своихъ народнаго любимца — Краснаго Солнышка (т. е. поклонника бога солнца—Перуна)—съ одной стороны, и взрывъ негодованія противъ варяговъ съ другой стороны, показываютъ, до чего русскому народу ненавистны были эти «находники», вооружавшіе противъ себя туземцевъ не только своею алчностью, какъ это видно изъ обстоятельствъ князя Игоря, но и своимъ неуваженіемъ къ святынѣ народной вѣры.

Но сдѣлаемъ уступку и допустимъ, что братья варяги приглашены были дѣйствительно на правахъ полновластныхъ государей, съ предоставленіемъ имъ права владѣть, судить и рядить; но и въ этомъ случаѣ сущность дѣла не измѣняется. Дѣло въ томъ, что, по прямому смыслу лѣтописнаго разсказа, идея государственности и вытекающая изъ нея идея порядка призывавшими племенами созвана была до начала призванія; актъ призванія былъ не причиною, а слѣдствіемъ такого сознанія. Рюрикъ съ братьями призывались не какъ инициаторы дѣла, а какъ простые исполнители раньше созрѣвшей мысли, которая, въ виду существовавшей между враждовавшими племенами розни, наличными средствами не могла быть осуществлена. Ясно, что призывавшія племена ни отъ чего своего не отрекались, а лишь искали на сторонѣ исполнителей своей собственной мысли. «Мудрые предтеки — скажемъ словами И. С. Аксакова — поняли, что для прекращенія и рѣшенія ихъ раздо-

ровъ и споровъ нуженъ — третья, т. е. посредникъ, взятый извнѣ, непричастный ни къ одной сторонѣ, нужна — власть, не та, которая бы вознесла одно племя надъ другимъ, но которая бы сама надъ другими возносилась, всѣмъ одинаково чуждая, а потому и всѣмъ своя, свободная отъ всякихъ племенныхъ и родовыхъ пристрастій. Во всякомъ случаѣ не отъ національности отрекались наши предки, а отъ похоти властвованія и командованія другъ надъ другомъ; отрекались отъ вражды и раздора, обуздывая себя всеобщимъ послушаніемъ единой общей для всѣхъ, призванной со стороны власти».

Если ужъ Соловьевъ хотѣлъ искать въ исторіи доказательствъ въ пользу своей предзанятой мысли о самоотреченіи, то онъ скорѣе могъ бы сослаться на фактъ принятія Русью христіанства. Принятіе христіанства, насколько оно было дѣломъ сознательнымъ и свободнымъ, дѣйствительно было актомъ народнаго самоотреченія, ибо, принимая чужую вѣру, народъ долженъ былъ отказываться отъ своихъ исконныхъ вѣрованій, которыя органически связаны были съ самою сущностью его духа. Но этотъ-то фактъ и доказываетъ, что начало народности, взятое само по себѣ, не враждебно ничему такому, что отличается характеромъ истинно-общечеловѣческимъ; не враждебно потому, что національность есть лишь неизбежная живая форма, въ которую облакаются общечеловѣческія начала, по своей природѣ всегда отвлеченныя, а потому и безформенныя. Замѣчательно, что лѣтописецъ, отмѣтивъ фактъ глубокаго пониманія Владиміромъ христіанства, поспѣшилъ тутъ же замѣтить: «И живяще Володимеръ по устоеню отню и дѣдню». Жаль, что Соловьевъ не задумался надъ этими словами лѣтописца, въ сознаніи котораго, очевидно, новизна христіанскаго ученія мирилась съ стариной устроенья отцовскаго и дѣдовскаго.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ,
Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.